

КОГДА “ТОЛПАМИ ГИБНЕТ ОТЧАЯННЫЙ НАРОД”

*Три примера веры
в эпоху повальных болезней*



Аннотация. Статья предлагает читателю посмотреть на сегодняшнюю омраченную пандемией реальность сквозь призму опыта жизни и служения Киприана Карфагенского, Лютера и Сперджена во время массовых болезней и мора. Автор демонстрирует, как современные христиане могут учиться вере, выдержке и жертвенности на примере жизни и учения этих выдающихся служителей и богословов. Статья содержит большое количество ссылок на их сочинения и проповеди о должном отношении христиан к эпидемиям/пандемиям.

Ключевые слова: *Киприан, Лютер, Сперджен, коронавирус, болезни, вера, чума, смерть, служение, боль*

Annotation. The article gives the reader an opportunity to look at today's situation marred by the pandemic reality through the prism of the life and ministry of Cyprian of Carthage, Luther and Spurgeon during the times of epidemics. The author demonstrates the importance of learning faith, endurance and selfless devotion from these renowned ministers and theologians. The article contains a substantial number of quotations from their writings and sermons on the proper Christian response to epidemics/pandemics.

Key words: *Cyprian, Luther, Spurgeon, coronavirus, illnesses, faith, plague, death, ministry, pain*

Вячеслав Герасимчук, докторант, преподаватель Одесской богословской семинарии (г. Одесса, Украина).

Введение

◆ В 1830 году М. Ю. Лермонтов, под впечатлением от вести о надвигающейся на Москву с юга России холеры, задумал большое произведение на тему эпидемии чумы. Свой замысел он реализовал только отчасти, но даже в том коротком фрагменте, который он сочинил, поэт смог передать цепенящее чувство обреченности и ужаса перед безжалостной эпидемией. Отрывок начинается с описания самого пика распространения болезни, «когда всех занимала смерть одна» и «толпами гиб отчаянный народ» (М. Ю. Лермонтов, «Чума»). Далее следует рассказ о том, как чума ворвалась в жизнь двух друзей «в этот страшный год»...

2020 год войдет в историю как год пандемии коронавируса. Когда пишутся эти строки, шествие COVID-19 по планете продолжается с неумолимой силой. Нам остается только наблюдать из своего вынужденного затворничества, как его громадные волны мощным фронтом напирают по всему пространству человеческой ойкумены. С каждым днем эти волны становятся всё более страшными и губительными. Пока статистика заражений, смертей и выздоровлений явно не в пользу выздоровевших. Только по официальной (явно заниженной) информации, на данный момент вирус собрал страшную дань – более 150000 жертв. Чтобы оценить масштабы трагедии, достаточно привести такую аналогию: представьте, что за время разгула вируса на дно океана ушел не один, а 100 «Титаников»! А какими последствиями пандемия обернется для мировой экономики – можно только предполагать.

Коронавирус не только заражает и собирает урожай в виде десятков тысяч жизней, он еще и ввергает современного человека в панику, выбивает из привычной колеи, заставляет его хаотично озираться в поисках ответа на актуальнейшие вопросы «Почему? За что? Доколе? Что потеряю лично я: работу, здоровье, а может быть жизнь?» Какими бы ни были итоги коронавирусного кризиса, уже сейчас ясно одно: пандемия основательно потрясла всё человечество. Время покажет, даст ли эта шоковая терапия хоть какой-то положительный результат в виде пробуждения чувства богоискательской тоски в народных массах или она будет не больше, чем припарка человеку в известном состоянии.

Ясно также и то, что для христиан неожиданно наступило время задуматься не только над тем, «отчего постигло нас всё это» (Суд. 6:13), но и какой месседж мы несем среднестатистическому подавленному страхом и печальными думами карантинщику.^[1] Устами экспертов, блогеров, про-

^[1] Речь идет не только о проповеди евангелизационного характера, но и о конкретных приземленных делах, советах и увещаниях, которыми мы могли бы помочь нашим ближним. В том, что грешный мир нуждается в мудром наставничестве здесь и сейчас, сомневаться не приходится. Иллюстрацией этой мысли может послужить следующая популярная история из серии «юмор отцов-пустынников». Однажды, когда авва Пресонций стоял на молитве в своей келье, кто-то постучал в дверь его хижины:

поведников высказываются разные причины и сценарии появления и развития коронавирусного поветрия, а также конечной его цели, которая некоторым мерещится впереди. Вопрос ставится ребром: что это было, есть и, очевидно, еще будет в ближайшие месяцы? Наказание от Бога, библейское “начало болезней” (родовых мук), свидетельствующее о приближении конца, подковерные проделки сильных мира сего, результаты которых 99% народа расхлебывают на поверхности «ковра», наблюдая, как осуществляется планомерное сокращение населения земли и установление мирового правительства? Мнениям и теориям несть числа.

Теперь же оставим на время нашу усложненную коронавирусом действительность и перенесемся во времена еще более трагические с целью демонстрации нескольких примеров отклика веры на суровое испытание эпидемиями. Исторические свидетельства не дают сомневаться в том, что такие времена были, и страдания были даже серьезнее нынешних (без современных обезболивающих и других препаратов), да и эсхатологические ожидания пульсировали среди верующих не меньше, чем в наши дни. Наверняка были и отчаявшиеся, циничные, обозленные, разочаровавшиеся в вере люди, но всегда находились и те, кто нес доброе и светлое свидетельство в души современников, которым было суждено жить в мрачные эпохи смертельных эпидемий. Следующие три примера, подкрепленные большим количеством объемных цитат, – простое и яркое тому подтверждение.

1. Благодеяния Киприана, или Особый род смертности

◆ После своего обращения и крещения в 245 г. Фасций Цецилий (Киприан) продал свои имения и вырученные средства раздал бедным. Позже, будучи епископом Карфагена, Киприан побудил многих богатых прихожан из своей паствы поучаствовать в сборе средств на выкуп пленных нумидийских христиан, захваченных в плен варварами. Община в краткий срок собрала сто тысяч сестерциев, которые были посланы для выкупа. Совершив это вспомоществование, Киприан объявил, что почел за честь «быть способным за небольшую сумму денег выкупить Того, Кто выкупил нас из власти сатаны Своей собственной кровью».^[2]

Милосердное сердце Киприана по-особому откликнулось на нужды горожан во дни моровой язвы, бушевавшей несколько лет в Римской империи. Шерман предполагает, что болезнью, которая поразила сначала Эфиопию, потом Египет и римские колонии Северной Африки, могла

- Не можешь ли ты указать дорогу на Алеппо, спросил стучавшийся.
- Нет, но я знаю дорогу на Небо, ответил авва.
- Как я могу поверить, что кто-то знает дорогу, ведущую так далеко, если он не знает дороги в окрестностях? – сказал путник.

^[2] Ф. Шафф, *История христианской церкви*, том II: Доникийское христианство. 100-325 гг. (Санкт-Петербург: Библия для всех, 2010), 259.

быть (черная) оспа или корь.^[3] Болезнь проявлялась такими симптомами, как рвота, диарея, лихорадка, гангрена рук и ног.^[4] На своем пике эпидемия, которую называют «Киприановой чумой», уносила до 5000 жизней в день.^[5]

Во время гонений при Галле, в разгар моровой язвы в Карфагене в 252 г., Киприан еще раз обратился к своей общине – на этот раз с Христовым призывом любить врагов. Любовь следовало проявлять в атмосфере особой вражды язычников против христиан, которых обвиняли в том, что они явились причиной появления эпидемии. Вскоре обвинителей поубавилось не только по причине высокой смертности, но и потому что многие поспешили покинуть город, бросая на произвол судьбы больных, а мертвых – не предав погребению, порой оставляя на улицах. Сама эпоха предоставила уникальную возможность карфагенским верующим продемонстрировать Христову любовь к своим языческим соотечественникам в заботе о больных и погребении жертв эпидемии.

Смерть стала настолько привычным явлением, причем как для язычников, так и христиан, что некоторые (из тех и других) стали подвергать сомнению преимущество христианского образа жизни. В чем превосходство христианства, если эпидемия без особого разбора сметает его приверженцев и противников?^[6] В своей «Книге о смертности» Киприан наставляет сомневающихся христиан, открывает им то, что скрыто за траурной пеленой массовой смертности, а именно «спасительное исшествие из мира» для каждого, кто сохраняет верность Христу до конца. Приведенные ниже отрывки из этого сочинения позволяют почувство-



Киприан Карфагенский,
худ. Франсуа де Пойи, гравюра 1665 г.

^[3] Irvin W. Sherman, *The Power of Plagues* (Washington: ASM Press, 2017), 62.

^[4] Ibid.

^[5] Craig Benjamin, *Empires of Ancient Eurasia: The First Silk Roads Era, 100 BCE – 250 CE* (Cambridge: Cambridge University Press, 2018), 273.

^[6] Здесь следует оговориться, что благодаря заботе о слабых и больных, вере и стойкости христиан уровень смертности среди христианского населения был ниже. См. Rodney Stark, *The Rise of Christianity: A Sociologist Reconsiders History* (Princeton: Princeton University Press, 1996), 88-91.

вать чрезвычайное напряжение проповеднической мысли Киприана, которой был брошен вызов как эпидемией, так и скептицизмом в отношении превосходства жизни и смерти со Христом.

А) «Одна участь постигает... всех» (Еккл. 2:14):

«Некоторых смущает то, что нынешняя болезненная язва поражает наших наравне с язычниками: как будто христианин для того только и уверовал, чтобы бедствия не касались к нему и он, при наслаждении мирским временным счастьем, свободный от всяких зол, сохранен был для будущей радости! Смущает некоторых то, что нынешняя смертность есть общая для нас с другими: да что же в этом мире, пока по закону первого рождения остается еще общая у нас плоть, не есть общим для нас с другими? Доколе мы находимся здесь, в мире, дотоле мы связаны с родом человеческим одинаковостью плоти, а отделяемся духом. И потому пока это тленное не облечется в нетление и это смертное не облечется в бессмертие (1Кор. 15,53); пока Христос не приведет нас к Богу Отцу: до тех пор все немощи плоти будут для нас общи со всем родом человеческим. Так, тощая земля, не давши урожая, производит общий голод; так, при покорении какого-либо города неприятелем, все граждане подвергаются плену. Во время продолжительной засухи недостаток воды чувствуется одинаково всеми; когда разбивается корабль о скалы — все без изъятия, плывшие на нем, терпят кораблекрушение. Подобным образом глазная болезнь, лихорадочные припадки, расслабление всех членов не могут не быть общими для нас с прочими людьми, пока в этом веке мы носим с ними одинаковую плоть...»^[7]

Б) Существенное отличие:

«В этом-то и состоит различие между нами и людьми, не ведущими Бога, что они в злосключениях жалуются и ропщут, а нас, напротив, бедствия не отклоняют от истинной веры и добродетели, но еще более укрепляют в них.^[8] То, что расслабление желудка отнимает у нас телесные

^[7] Здесь и далее следуют цитаты из сочинения Киприана Карфагенского «Книга о смертности». См. https://azbyka.ru/otechnik/Kiprian_Karfagenskij/kniga_o_smertnosti/

^[8] Несколькими годами позже Дионисий Коринфский в одном из своих посланий даст следующее описание отношения к эпидемии со стороны христиан и язычников: «После короткой передышки обрушилась на нас эта болезнь — для них самое страшное из всего страшного, из всех бед самая жестокая и, как говорит их собственный писатель, событие исключительное, какого никто не мог ожидать. Для нас оно таким не было; как и в других случаях, Господь нас испытывал и закалял. Болезнь не обходила и нас, но поражала больше язычников... Весьма многие из наших братьев по преизбытку милосердия и по братолюбию, не жалея себя, поддерживали друг друга, безбоязненно навещали больных, безотказно служили им, ухаживая за ними ради Христа, радостно умирали вместе; исполняясь чужого страдания, заражались от ближних и охотно брали на себя их страдания. Многие, ухаживая за больными и укрепляя других, скончались сами, приняв смерть вместо них. Народная поговорка, бывшая, казалось, только выражением благожелательности, осуществлена ими на деле: они были действительно людьми, уходившими из жизни, будто они сор перед другими... Так уходили из жизни лучшие из братьев: священники, диаконы, миряне; их осыпали похвалами, ибо такая смерть, возможная

силы, что жар изнутри, перешедший в гортанные язвы, растревляет их, что непрерывная рвота потрясает внутренность, прилив крови делает воспаление в глазах, что у некоторых отсекаются руки и другие члены вследствие заразительного гниения, что от расслабления тела происходит дрожание в ногах, заграждается слух, повреждается зрение: все это способствует преспеянию веры. И какое бесстрашие — всеми силами несокрушимого духа мужественно противостоять всем таковым напорам лишений и смерти! Какая высота — стоять прямо среди развалин рода человеческого и не преклоняться долу вместе с теми, кои не имеют никакой надежды на Бога! Почему надлежит радоваться и дорого ценить дар настоящего времени, в которое мы можем выказать крепость нашей веры, перенесши тяготу его, прийти ко Христу тесным путем Христовым и затем на суде Его получить награду жизни и веры».

В) Христианин и страх смерти:

«Смерти должен бояться только тот, кто, не будучи возрожден водою и духом, готовит себя в жертву пламени геенскому, — кто не огражден крестом и страданием Христовым, — кто чрез смерть первую препровождается ко второй. Смерти должен бояться тот, кто, по исходе из сего мира, будет вечно мучиться и для кого продолжение пребывания здесь служит только временною отсрочкою страдания и стенаний. Во время настоящей смертности многие из наших умирают, то есть многие из наших вземлются от сего мира. Но эта смертность, служащая пагубою Иудеям, язычникам и прочим врагам Христовым, для рабов Божиих есть спасительное исшествие из мира. Из того, что без всякого различия, вместе с людьми неправедными, умирают и праведные, никак не должно заключать, будто один конец и добрым и злым. Нет, праведные призываются к радости, а нечестивые к мученьям; рабам верным определяется скорая награда, а вероломным наказание.

Непрозорливы и неблагодарны мы, возлюбленнейшие братья, в рассуждении благодеяний Божиих, так что многое из ниспосылаемого нам Богом не признаем даже за благодеяние. Вот спокойно и со славою исходят из мира сего девы, не страшась более угроз и осквернения от имеющего придти антихриста; вот юноши избегают опасности поползновенного ко грехам возраста и счастливо достигают награды за воздержание и невинность; вот слабая жена не боится уже ни преследования, ни рук и терзаний палача, предупредив все это благовременною смертию. Страх настоящей смертности воспаляет равнодушных, обуздывает развратных, пробуждает беспечных; отступников побуждает к обращению, язычников располагает к вере, верующих призывает к покою; является новое и многочисленное воинство, одушевленное мужеством, готовое ратоборствовать без страха смерти, в наступающем сражении; потому что исходит на брань в самую годину смерти».

Г) Пандемия как духовное зеркало:

«Наконец, возлюбленнейшие братья, не видна ли вся польза и необходимость настоящей моровой язвы, которая представляется столь страшною и жестокою, из того, что она исследует правоту каждого и испыты-

вает помыслы человеческого рода, открывая: — служат ли здоровые больным; любят ли искренно ближние родных своих; жалостливы ли господа к рабам, подвергшимся немощи; не оставляют ли врачи больных, умоляющих о помощи; укрощают ли свою свирепость жестокосердые; угашают ли в себе хищники, хотя из страха смерти, ненасытимый пламень гибельного сребролюбия; гордые, преклоняют ли свою выю; нечестивые смягчают ли свою дерзость; богатые, умирающие без наследника, отказывают ли что-нибудь бедным своим братьям? Но если бы эта смертность и не произвела ничего подобного, то она весьма много принесла пользы христианам и рабам Божиим уже тем, что мы охотно стали желать мученичества, научившись не бояться смерти. Так, это бедствие служит для нас упражнением, а не погибелью. Оно украшает дух славою мужества, научая презирать смерть, уготовляет нам венцы».

Из этих довольно обширных цитат видно, что действенная вера, выраженная в готовности к служению и умиранию ради Христа и ближних, помогла христианам середины 3-го века н.э. не только выживать как общности верующих, но и покорять языческий мир деятельным свидетельством преимущества христианской жизни и смерти. Как отмечает Старк, эпидемия подавила «объяснительный и обнадеживающий потенциал» язычества и эллинистической философии и дала возможность христианам воплотить идеал любви и благотворения в виде «норм социального служения и общинной солидарности».^[9] Наряду с более высоким коэффициентом выживаемости, воспринимаемым язычниками как проявление чуда, эти процессы способствовали успешной реализации благовестнической миссии церкви.^[10]

2. Лютер и вопрос бегства от смертельной чумы

◆ После страшной пандемии чумы (т.н. «черной смерти»), разразившейся в Европе в 14 веке и унесшей от 30 до 60% населения европейского континента^[11], и менее напряженного с точки зрения эпидемиологической ситуации 15 века, следующий, 16-й век, отметился целым рядом эпидемий.^[12]

только по великому благочестию и крепкой вере, считалась равной мученичеству... Язычники вели себя совсем по-другому: заболевавших выгоняли из дома, бросали самых близких, выкидывали на улицу полумертвых, оставляли трупы без погребения — боялись смерти, отклонить которую при всех ухищрениях было не легко». Евсевий Кесарийский, *Церковная история* 7.22. См. также Mike Aquilina, *Faith of Our Fathers: Why the Early Christians Still Matter and Always Will* (Steubenville: Emmaus Road Publishing, 2012), 31-33.

^[9] Stark, *The Rise of Christianity*, 74-75. См. также William H. McNeill, *Plagues and Peoples* (New York: Anchor Books, 1976), 121-122.

^[10] Примечательно, что, когда император Юлиан (361-363) предпринял попытку реставрации язычества, для укоренения проязыческих реформ он обязал жрецов взять на вооружение не только религиозную пропаганду и личное благочестие, но и филантропическую деятельность, которую он считал одним из ключевых факторов успеха в процессе христианизации империи. См. Д.Е. Фурман, «Император Юлиан и его письма», <http://simposium.ru/ru/node/10217>

В августе 1527 года в Виттенберге вспыхнула эпидемия бубонной чумы. Обладая высокой контагиозностью (заразностью) и невероятной смертностью, чума наводила ужас на здоровых обреченным видом сраженных болезнью людей. Суммируя мнения авторов-очевидцев, описавших клинические проявления бубонной чумы, Супотницкий отмечает следующие симптомы:

«Прежде всего, ими [авторами] выделялся синдром («основное страдание»), называемый «febris continuae — непрерывная лихорадка». Под ним понимался следующий комплекс симптомов: черный и сухой язык, бред, взрывы бешенства, чувство тоски и боли в стороне сердца, ускоренное дыхание, кашель, разного рода мокроты, мутная и нередко черная моча, черные испражнения на низ, черная кровь... На фоне «febris continuae» появлялись петехии, карбункулы и бубоны. Трупы людей, умерших от чумы, к всеобщему ужасу живых стремительно чернели и напоминали по цвету уголь — отсюда и появилось название «черная смерть».^[13]

Врачи были бессильны не только излечить, но даже хоть сколько-нибудь облегчить страдания больных.^[14] Разбушевавшаяся эпидемическая сти-

^[11] Это вторая пандемия чумы (после Юстиниановой чумы (541-750 гг.), унесшей жизни около 25 миллионов жителей Европы), которая захватила обширные регионы Азии, Европы и Африки в 14 веке. См. подробный анализ характера и масштабов «черной смерти»: М.В. Супотницкий, Н.С. Супотницкая, *Очерки истории чумы*, кн. I: Чума добактериологического периода (Москва: Вузовская книга, 2006), 78-131.

^[12] В 16 веке эпидемии гриппа возникали в 1510, 1557, 1562, 1574, 1580, 1587 и 1593 гг. Наиболее губительными для населения Европы были эпидемия гриппа в 1510 г. и пандемия 1580 г., которая в течение полугода распространилась по всей Европе. М.В. Супотницкий, *Пандемия «Испанки» 1918-1920 гг. в контексте других гриппозных эпидемий и «птичьего гриппа»*. <http://supotnitskiy.ru/stat/stat51.htm>

^[13] Супотницкий, *Очерки истории чумы*, 92.

^[14] «Бубонная чума является наиболее распространенной формой чумы в мире, и возникает в результате укуса инфицированной блохи. Возбудитель чумы бактерия *Yersinia pestis* проникает в организм человека в месте укуса и движется по лимфатической системе до ближайшего лимфатического узла, где начинает размножаться. Лимфатический узел воспаляется, набухает и создает болезненные ощущения; такие лимфатические узлы и называют «бубонами». На более поздних стадиях инфекции воспаленные лимфатические узлы могут превратиться в открытые гнойные раны. Передача бубонной чумы от человека к человеку происходит редко» (информация на сайте Всемирной организации здравоохранения, <https://www.who.int/features/qa/plague/ru/>). См. также Соня Шах, *Пандемия: Всемирная история смертельных вирусов* (Москва: Альпина Диджитал, 2016), 16-19. Несмотря на то, что врачам-современникам пандемии чумы 14 века и даже более поздних эпидемий этой болезни не были достоверно известны ни причины появления эпидемии, ни способы ее распространения, они понимали, что нахождение вблизи больного может быть опасно. Впрочем, иногда выдвигались довольно любопытные объяснения, каким образом болезнь могла перейти к здоровому человеку. Например, согласно следующей гипотезе, высказанной одним врачом из Монпелье, «моментальная смерть наступит, когда воздушный дух, исходящий из глаз больного, сразит глаза рядом стоящего здорового человека... потому что ядовитая природа переходит от одного к другому, убивая его». Philip Ziegler, *The Black Death* (London: Faber & Faber, 2013), 21.

хия крайне деморализующе отразилась на жителях города, многие из которых сочли бегство своим единственным шансом избежать заражения.

Перед сложным выбором — удалиться из города или остаться — стоял и 43-летний реформатор Мартин Лютер. В середине августа Виттенбергский университет на время переехал в Йену. Многие друзья и коллеги Лютера, включая Филиппа Меланхтона и Юстуса Йонаса, покинули Виттенберг. Лютеру тоже предлагали последовать их примеру, но он принял решение остаться для того, чтобы заботиться о больных и пастве. Он продолжил преподавание (курсов по 1 Иоанна и Титу) небольшой группе студентов, которые не ушли с остальными студентами университета.^[15]

Лютер остается в Виттенберге не один, а со своей беременной женой Катариной, на которой женился двумя годами раньше, и их годовалым сыном Гансом. Вскоре Ганс тяжело заболел... В одном из своих писем удрученный сложными обстоятельствами Лютер пишет: «Я беспокоюсь о родах жены... Мой маленький Ганс не может сейчас послать тебе привет, ибо он болен, но очень нуждается в твоих молитвах. Сегодня вот уже двенадцатый день, как он ничего не ел; кое-как мы поддерживали его силы питьем... Все мы ждем, когда закончится чума».^[16]

С августа по декабрь, как отмечает Метаксас, у Лютера усиливаются приступы *Anfechtungen* — депрессивного, мрачного, парализующего уныния, душевной муки, характеризующейся борьбой с собственными мыслями и с дьяволом.^[17] Он пытается обрести точку опоры в надежде на скорое Божье избавление от чумы и ожидаемое рождение второго ребенка в декабре. Несмотря на собственный духовный кризис, Лютер усиленно ищет и пытается сформулировать ответ на вопрос должного отношения христиан к эпидемии. Именно его реакции ожидали не только служители, но и простые верующие. Основные мысли по этому вопросу Лютер изложил в трактате «Следует ли бежать от смертельной чумы?».^[18] Учитывая обзорный характер данной статьи, выделим только некоторые, с точки зрения автора, полезные для сегодняшнего контекста фрагменты этого сочинения Лютера.^[19]

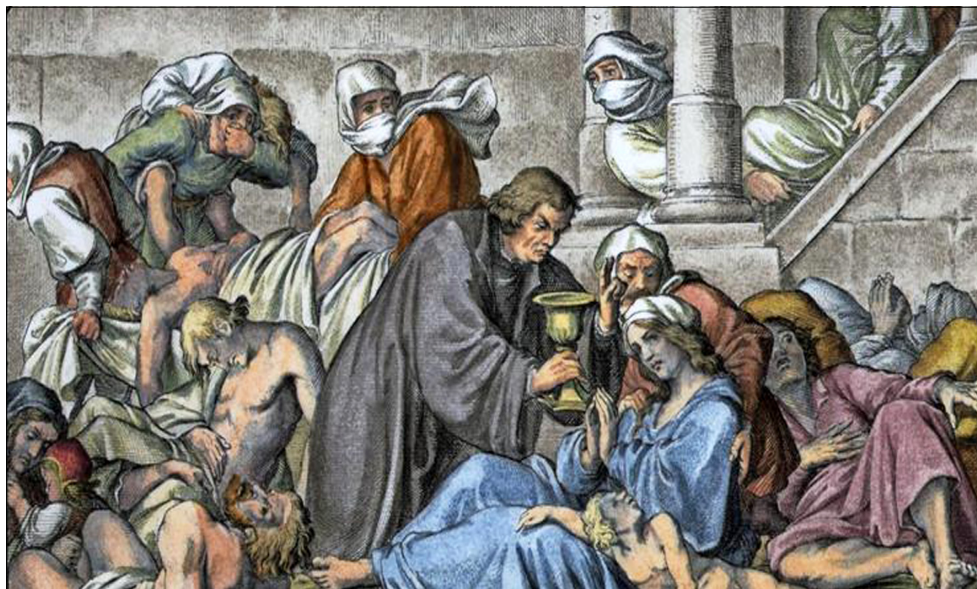
^[15] Эрик Метаксас, *Мартин Лютер. Человек, который заново открыл Бога и изменил мир* (Москва: Эксмо, 2019), 399; Neil R. Leroux, *Martin Luther as Comforter: Writings on Death* (Leiden: Brill, 2007), 224. См. также Б.Д. Порозовская, *Мартин Лютер. Его жизнь и реформаторская деятельность* (Москва: Директ-Медиа, 2015), 110.

^[16] Метаксас, *Мартин Лютер*, 399-400.

^[17] Метаксас, 39, 400-401.

^[18] Оригинальное название «Ob man vor dem Sterben fliehen moge» (1527). См. обсуждение содержания этого трактата: Leroux, *Martin Luther as Comforter: Writings on Death*, 226-231.

^[19] Как документ эпохи сочинение Лютера содержит утверждения, которые могут удивить современного читателя некоторой архаичностью. Например, Лютер пишет: «Я придерживаюсь мнения, что все эпидемии, как и любая чума, распространяются среди людей злыми духами, которые отравляют воздух или испускают ядовитое дыхание, и через это смертельно отравляют плоть». Мартин Лютер, *Следует ли христианину бежать от смертельной чумы?* (Санкт-Петербург: Умозрение, 2020), 18.



Картина худ. Густава Кёнига, Лютер с больными чумой, 1847 г.

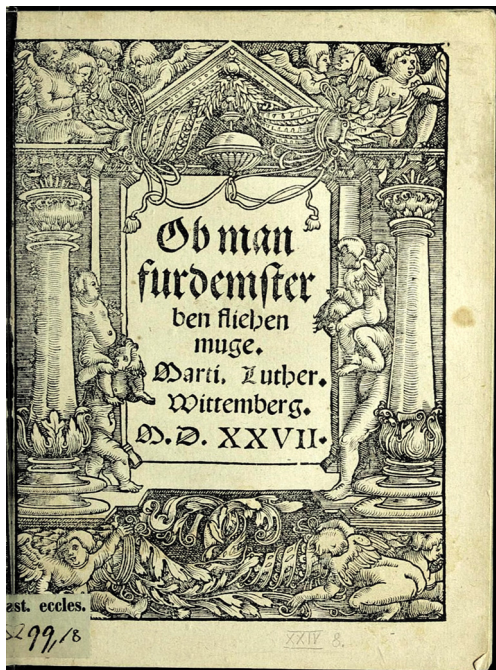
А) Ноша по силам:

«Поскольку среди христиан дело, как правило, всегда обстоит таким образом, что лишь немногие из них оказываются сильны в вере своей, а большинство, напротив, слабы, то просто невозможно наложить на всех них одинаковое и равное бремя ответственности. Человек, имеющий сильную веру, может выпить сильный яд и не повредиться при этом (Марк XVI, 18), в то время как для слабоверующего тот же самый яд окажется смертоносной отравой. Будучи силен в вере, апостол Петр ходил по воде. Когда же вера его ослабла и он стал сомневаться, он едва не утонул, начав погружаться в воду. Когда сильный и выносливый человек путешествует со слабым и легко устающим, то он должен сдерживать себя, чтобы не пойти слишком быстро, дабы этим темпом своим не загнать до смерти своего слабого спутника. И Христос не оставляет слабых последователей Своих, как передает нам апостол Павел в послании к Римлянам (XV, 1) и в 1 послании к Коринфянам (XII, 22 и след.)».^[20]

Б) Смелость и мудрость в действии:

«Те, кто занимает духовную должность, проповедники и пасторы, также должны оставаться стойкими перед угрозой смерти. У нас и об этом есть ясные слова Христа, Который заповедовал: «Добрый пастырь полагает жизнь свою за овец; а наемник, завидев волка, оставляет овец и бежит, потому что не пастырь» (Иоанна X, 11). Ведь когда люди умирают, они более всего нуждаются в духовном служении, которое укрепляет и утешает их совесть Божьими Словом и Таинством, дабы верою в обетование Его одолеть самую смерть. Однако если в какой-то земле или местности в случае смертельной опасности от чумы окажется вдруг некоторый избы-

^[20] Лютер, *Следует ли христианину бежать от смертельной чумы?*, 9-10.



Трактат Лютера «Следует ли бежать от смертельной чумы?», издание 1527 г.

Христа: «Ибо болен был Я, а вы не посетили Меня...» и т. д. (Матф. XXV, 41-46). Согласно этому отрывку мы все связаны друг с другом таким образом, что никто не может оставить другого в бедственном положении, но обязан оставаться с ним и помогать ему, как он сам бы хотел, чтобы ему помогали в беде или немощи. Там же, где такой нужды нет и где после ухода части людей все-таки остается достаточно других для ухода за больными и заботы о них (совершается ли это добровольно или по принуждению, или же когда слабые в вере предварительно принимают надлежащие меры, чтобы после их ухода больные не нуждались более в их дополнительных услугах и помощи), я считаю, что в таком случае у них есть равный выбор — бежать или оставаться. Если кто-то достаточно смел и силен в своей вере, то пусть он остается во имя Бога; это не будет, конечно, грехом. Если кто-то слаб и напуган, тогда во имя Бога пусть он бежит, если он не пренебрег своим долгом по отношению к ближнему своему, но обеспечил ему надлежащую помощь и заместил свою должность и служение другим исполнителем для обеспечения ухода и заботы о нуждающемся и обремененном. Бежать от смерти и спасти свою жизнь — это естественное стремление, самим Богом внедренное и не запрещаемое, если это не противоречит Богу и ближнему, как учит апостол Павел в послании к Ефессянам (V, 29): «Ибо никто никогда не имел ненависти к плоти своей, но питает и греет ее, как и Господь Церковь». Даже заповедано, чтобы каждый человек как можно более сохранял свое тело и жизнь, а не пренебрегал ими, как говорит апостол

ток проповедников и они придут между собой к согласию побудить какую-то часть духовенства уехать в более спокойное место, дабы не подвергаться ненужной опасности, то я не считаю такое поведение греховным, поскольку при этом духовное служение будет продолжаться в их общине другими служителями, а ушедшие проповедники всегда будут готовы в случае нужды вернуться к своим обязанностям и остаться».^[21]

В) Сначала помощи, потом — беги:

«Да, никто не должен осмеливаться покидать даже своего больного соседа, если поблизости не окажется других людей, которые о нем позаботятся вместо них и будут ухаживать за оставшимися больными. В таких случаях нам следует почитать прежде всего следующие слова

^[21] Лютер, 10.

Павел в 1 послании к Коринфянам (XII, 21–26), что «Бог с такой любовью соразмерил наше тело, внушив о менее совершенном большее попечение», дабы каждый его орган и член заботился о другом и действовал ради другого».^[22]

Г) На все воля Божья:

«Из сказанного мы извлекаем следующее поучение: нам должно молиться против всякого зла и защищаться от него в меру своих сил и возможностей; но таким образом, чтобы при этом не действовать против Бога и вопреки Его Воле, как было разъяснено ранее. Если Воля Божья будет на то, чтобы зло нас настигло и сокрушило, тогда ни одна из наших предосторожностей нам все равно не поможет. Поэтому каждый должен так настраивать себя в сердце своем: если ты чувствуешь должным остаться там, где свирепствует смерть, чтобы послужить ближнему своему, то предай себя Богу и Воле Его, и скажи: «Господь, я в Руце Твоей. Ты держал меня здесь, да будет Воля Твоя. Я — смиренное создание Твое. Ты можешь меня убить или сохранить в этой смертельной чуме точно так же, как если бы я оказался в огне, воде, засухе или в любой другой опасности». Однако если человек при этом свободен от обязательств перед ближним своим и может убежать от опасности, тогда пусть он честно оценит силы свои и скажет в сердце своем: «Господи Боже, я робок и немощен. Поэтому я убегаю и отвращаюсь от зла, делая все возможное, чтобы защитить себя от него. Но все-таки я по-прежнему пре бываю в Руце Твоей в сей опасности, как и в любой другой, которая может настигнуть меня. Да будет Воля Твоя! И бегство мое само по себе никогда не удастся, ведь всяческая напасть и беда остаются еще повсюду. Ибо лукавый везде по-прежнему торжествует, этот неусыпный «убийца от мирового начала» (Иоанна VIII, 44). И он неустанно разносит повсюду лишь смерть да несчастье».^[23]

Д) Вера и лекарства:

«Это сказано как предостережение и ободрение против страха и позорного бегства, которыми дьявол уловляет нас, чтобы мы не обращали внимания на Заповедь Божию в наших отношениях со своими близкими и впали в грех, так сказать, с левой стороны. Другие, наоборот, грешат по правую руку. Они слишком опрометчивы и безрассудны, искушают Бога и игнорируют все, что может противостоять чуме и смерти. Они презируют использование лекарств, не избегают мест и людей, зараженных чумой, но беззаботно с ними общаются и, занимаясь этим, словно хотят доказать, насколько они независимы и ограждены от болезни. Они как бы говорят, что все это — наказание Божье; если Он захочет их защитить, Он сделает это без лекарств и без наших предосторожностей. Однако же это называется не “доверять” Богу, но “искушать” Его. Бог создал лекарства и дал нам разум, дабы блюсти и заботиться о теле своем, дабы мы могли жить достойно и в добром здравии. Если человек не

^[22] Лютер, 12-13.

^[23] Лютер, 15-16.

использует свой ум и лекарство, когда он может делать это без ущерба для ближнего своего, тогда он вредит своему телу и должен остерегаться, чтобы не оказаться самоубийцей в глазах Бога... Если тебе потребны лекарства, тогда принимай их и пей зелья, которые способны тебе помочь; окуривай дом, двор и улицу; избегай также людей и мест, в которых твое присутствие не нужно для твоих близких или не требуется для их выздоровления, и веди себя как человек, который хочет помочь потушить горящий город. Чем же еще является эпидемия, как не пожаром, который только вместо древесины и соломы пожирает тела и жизни?».^[24]

Е) Действия на опережение:

«Если кто-то хочет, чтобы пришли к нему священник или пастор, пусть больной вовремя сообщит об этом. И пусть он сделает это заблаговременно, пока он еще пребывает в здравом уме и прежде чем болезнь не охватит и не отуманит его сознания. Причина, по которой я это говорю, заключается в том, что некоторые настолько небрежны, что не делают никаких просьб и не посылают никаких сообщений, пока душа не спрячется под язык и человек уже окончательно не перестанет рассуждать или говорить. Затем нас просят: «Боже милостивый, предскажите ему нечто лучшее» и т. д. Но раньше, когда болезнь только начиналась, они не хотели посещения пастора, но говорили: «О, в этом нет никакой необходимости! Надеемся, ему станет лучше». Что же должен делать небожный пастор с такими людьми, которые пренебрегают душой и телом? Они живут и умирают, как домашний скот или как звери в поле. Они хотят, чтобы мы в последнюю минуту обучали их Евангелию и принесли им причастие так, как они привыкли к нему под папством, когда никто не спрашивал, верят ли они в Евангелие и понимают ли его, но просто совали им причастие в глотку, словно в хлебный мешок».^[25]

Лютер озвучил часть этих размышлений в проповеди 15 сентября 1527 г. По горячему, вовлеченному тону и предметному, красноречивому и хлесткому изложению своей позиции, что называется, не в бровь, а в глаз, можно заключить, что Лютер пишет изнутри ситуации, осознавая всю ответственность возложенной на него миссии и отдавая себе отчет, что его наставления будут восприняты многими как руководство к действию. Авторитетность слов Лютера существенно подкреплялась тем, что он неукоснительно следовал своим собственным принципам и рекомендациям.^[26] Этот документ, несмотря на очевидную привязку к эпохе автора как по содержанию, так и по стилю изложения, может быть и сегодня востребован всеми, кто размышляет о том, как не растерять потенциал веры и любви к ближнему в контексте беспрецедентного кризиса

^[24] Лютер, 23-24.

^[25] Лютер, 28-29.

^[26] Возможно, пример Лютера послужит достойным образцом для подражания многим в наше говорливое время, когда советующие «городу и миру», коих (т.е. советующих) число возрастает изо дня в день со скоростью распространения COVID-19, не утруждают себя исполнением хотя бы десятой доли тех «жизненно важных» напутствий, которые они несут в массы.

привычной парадигмы церковной жизни, вызванного пандемией коронавируса и глобальным карантинном.

3. Испытание юного Сперджена

◆ В апреле 1854 года, через четыре года после обращения, 19-летний Чарльз Сперджен, пройдя трехмесячный испытательный срок, стал пастором лондонской баптистской церкви на Нью-Парк Стрит. Одна из первых проблем, которую должен был решать юный пастор, была связана с нехваткой места в помещении церкви из-за большого наплыва народа во время богослужений. В первый же год своего пасторства он столкнулся с еще одной, гораздо более серьезной проблемой – эпидемией холеры, разразившейся в лондонском районе Сохо и угрожавшей распространиться и на другую сторону Темзы, где находилась церковь Сперджена.^[27]

Начинающему служителю пришлось нести бремя заботы о пастве в чрезвычайных условиях эпидемии. К своему служению он подходил с несвойственной его возрасту мудростью и серьезностью.^[28] Позже он напишет об этом периоде в своей жизни следующее: «Во время эпидемии холеры я вынужден был отменить многие свои загородные мероприятия и остаться в Лондоне, чтобы навещать больных и умирающих. Я чувствовал, что обязан быть на месте в такое время болезни, смерти и горя».^[29] Именно в эти дни Сперджен активно расширяет пределы своего служения. Даллимор отмечает:

«Впервые многие... соприкоснулись со Спердженом во время эпидемии холеры. Он не пытался избежать заражения, и добровольно посещал дома больных. Он проявлял участие, молился о страждущих, утешал скорбящих, хоронил умерших. Слух о его служении распространился по всему округу, и люди поняли, что этот проповедник по-настоящему заботился о них».^[30]

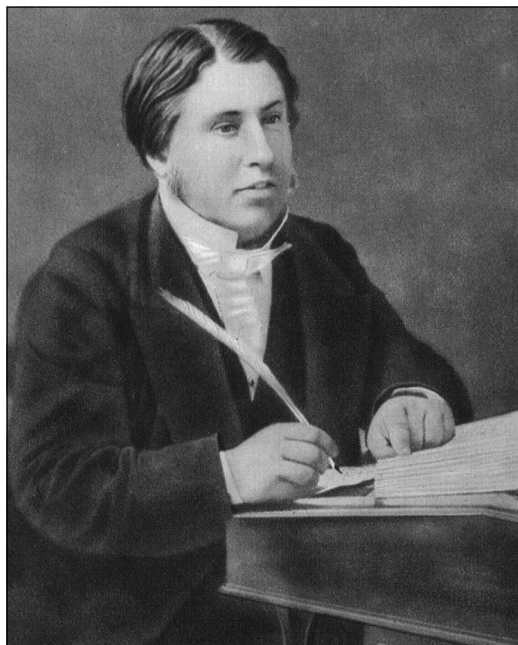
Хотя холера свирепствовала недолго, она заставила многих искать спасительную помощь у Христа. Но их религиозное рвение начало осты-

^[27] Эпидемия холеры унесла жизни 611 (по другим данным – 616) человек. См. описание развития эпидемии и роли Джона Сноу в выяснении причин появления холеры: Teri Shors, *Understanding Viruses* (Sudbury: Jones and Bartlett Publishers, 2009), 194–196.

^[28] См. Арнольд Даллимор, *Сперджен: Биографический очерк*, <http://www.blagovestnik.org/books/00072.htm>

^[29] *The Autobiography of Charles H. Spurgeon*, vol. 1, 1834–1854 (Cincinnati: Curts & Jennings, 1898), 372.

^[30] См. Даллимор, *Сперджен*, <http://www.blagovestnik.org/books/00072.htm>. См. также содержательную статью Джеффа Чанга о служении Сперджена во время эпидемии: «5 уроков от служения Сперджена во время вспышки холеры», <http://ieshua.org/5-urokov-ot-sluzheniya-sperdzheny-vo-vremya-vspyshki-holery.htm>. Оригинальный вариант статьи «Spurgeon and the Cholera Outbreak of 1854» доступен по следующей ссылке: <https://www.spurgeon.org/resource-library/blog-entries/spurgeon-and-the-cholera-outbreak-of-1854>.



Юный Чарльз Хаддон Сперджен.

лем, посвящали себя Богу, обещали Ему, что, если Он пощадит нас, мы будем жить по-другому. Но, увы, мой слушатель, ты сейчас таков, каким ты был до своей болезни. Ты забыл свое обещание, но Бог не забыл его».^[31]

В 1866 году в районе Ист-Энд в восточной части Лондона произошла еще одна вспышка холеры, жертвами которой стали более 5500 лондонцев. Сперджен призвал объявить проблему эпидемии темой общенациональной молитвы. В проповеди, озаглавленной «Голос холеры» (12.08.1866), он не только вскрывает духовные причины наказания Господня в виде очередного возвращения холеры, но и посвящает значительную часть своей речи вопросу чистоты в гигиеническом смысле. Он строго порицает тех, кто пренебрежительно относится к «светским» рекомендациям врачей, заключая: «у евангелия нет разногласий с вентиляцией и у доктрины благодати нет споров с хлорной известью».^[32] Сперджен завершает свою проповедь мольбой о том, чтобы все, кто слышит его, подвизались на ниве благовестия погибающим, так как «люди всегда умирают, и время как быстробегущий ручей уносит их, но сейчас они в возрастающем количестве устремляются вниз бурного потока...».^[33]

Как и у других великих проповедников, тема болезни и смерти очень часто встречается в проповедях и публикациях Сперджена, она стано-

вать, как только эпидемия осталась в прошлом. В одной из своих многочисленных проповедей, произнесенной через три года после эпидемии, Сперджен напоминал своим слушателям об их внезапном порыве и охлаждении:

«Я вспоминаю, как в последний раз холера пронеслась по вашим улицам, и вы поспешили в свои церкви, вы молились. На ваших лицах был ужас, и многие из вас громко вопияли об избавлении. Оно пришло! Но что вы сделали? Куда делось ваше благочестие?.. Как часто мы лежали в постели, изнемогая от холеры или какой-то другой болезни, которая угрожала нашей жизни. Мы молились, мы посылали за служите-

^[31] С. Н. Spurgeon, *Spurgeon's Fast-Day Sermon* (New York: Sheldon, Blakeman & Co., 1857), 38-39.

^[32] С.Н. Spurgeon, “The Voice of the Cholera”, <https://www.spurgeon.org/resource-library/sermons/the-voice-of-the-cholera#flipbook/>

^[33] Ibid.

вится своеобразным гомилетическим ключом, открывающим путь для изложения спасительной вести и наставления о важности всегда быть ожидающим грядущего смертного перехода. Из приведенных далее в тексте цитат читатель может увидеть, как вышеуказанные темы перекликаются, дополняют друг друга и фокусируются на главном, что Сперджен как проповедник хочет донести до своего слушателя (читателя).

А) «Пес, гонящийся за овцами»:

«О, как часто только серьезные бедствия побуждают мужчин и женщин приходиться ко Христу точно так же, как яростный ветер убеждает моряка держаться гавани!.. Без сомнения, многие отцы, сокрушенные духом из-за вероятности потерять дорогое дитя, обратили в своем бедствии взор к Господу Иисусу. О, Господь, у Тебя так много различных способов привести Своих заблудших овец к Твоим ногам. Ты даже выпускаешь на них черного пса горя и болезни. Этот пес гонится за овцами, и его рычание и лай настолько страшны, что бедные заблудшие овцы бегут в укрытие к Пастырю».^[34]

Б) Два вида боли:

«Болезнь — это что-то ужасное, особенно если она связана с болями, когда бедное тело ужасно мучается, так что дух изнемогает в нас и выдыхает как глиняный черепок в пустыне. Но я могу засвидетельствовать, что болезнь, как бы она ни была страшна, ничто в сравнении с тем, когда человек узнает о собственном грехе, его объеме и его силе. Лучше я буду семь лет иметь ужасные боли и изматывающую болезнь, чем пройти еще раз через ужасное познание величины моего греха».^[35]

В) Благодать для смерти:

«Есть многие среди благословенных Господом, которым большую часть жизни был знаком страх смерти! Я и теперь знаю многих детей Божьих, о которых думаю, что если они умрут, то умрут победителями, но я также знаю, что мысль о смерти никогда не нравилась им. И это имеет хорошее основание: Бог дал природе закон — любовь к жизни и сохранение самого себя. Это естественно, что человек, имеющий детей и друзей, неохотно оставляет их. Я знаю, что он, все больше и больше испытывая в своей жизни благодать Божью, будет радоваться при мысли о смерти. Но я знаю многих, которые с совершенной радостью умрут во Христе, даже если теперь страшатся при мысли о смерти. Мой старый дедушка как-то сказал проповедь, которую я не могу забыть. Он проповедовал на текст: «Бог всякой благодати». Внимание всего собрания он захватил тем, что после каждого описания различных аспектов благодати говорил: «Но есть такой род благодати, которого вы не желали бы». Наконец он закончил свою проповедь словами: «Вы не захотели бы в вашей жизни благодати для смерти, но вы будете иметь благодать для смерти, ког-

^[34] Ч. Сперджен, *Молитва, достигающая успеха* (Киев: Джерело Життя, 2003), <https://www.libmy.com/?view=book&id=1036&page=48>

^[35] Ч. Сперджен, *Все для славы Божьей. Автобиография* (Билефельд: CLV, 2005), 39.

да она вам будет нужна. Когда ты будешь в обстоятельствах, где она будет нужна, тогда ты будешь иметь ее в достатке, если полностью доверишься Христу».^[36]

Г) Всё – на служение:

«Если бы меня спросили, что бы я сказал, лежа на одре болезни, то я бы ответил так: если вы не хотите, чтобы вас съело сожаление, когда вы будете вынуждены лежать без движения, трудитесь без усталости, пока можете. Если хотите, чтобы лежало, к которому вы будете прикованы, было мягким, не засоряйте его жалобными воспоминаниями о том, как вы бездарно потратили время, пока вам были дарованы здоровье и сила. Когда-то давно мне говорили: «Ты подорвешь здоровье, если будешь проповедовать десять раз в неделю». Ну что же? Если так и получилось, то я тому рад. Если бы у меня было и десять «наборов» здоровья, то я бы потратил их все на служение моему Господу Иисусу Христу. Молодежь, вы сильны! Победите лукавого и служите Господу, пока можете. Вы никогда не пожалеете, если сделаете для нашего благословенного Господа все, что сможете. Наполняйте каждый день делами до максимума, ничего не откладывайте на завтра. «Все, что может рука твоя делать, по силам делай».^[37]

Радикальность утверждения в середине последней цитаты не многим сегодня придется по душе, но Сперджен никогда не чуждался радикальности не только в проповеди, но и в жизни. О нем можно сказать на его английском наречии, что он *walked the talk*, т.е. жил в соответствии с провозглашаемыми (радикальными) принципами.

Итоговые размышления

◆ Недописанная Лермонтовым «Чума» заканчивается смертью одного из двух друзей, бездыханное тело которого «без сожаленья повлекли, и подложили бревен, и зажгли». В зачеркнутой строфе поэт описывает, что происходит с оставшимся в неподвижной тишине и завернувшимся «в широкий плащ» товарище.^[38] Увы, если считать окончанием произведения вычеркнутый фрагмент, то бестрепетное ожидание конца уцелевшим другом завершается печально:

«И душу рок от тела оторвал —
И будто сноп на землю он упал!»

Но что, если не брать в расчет отмененное автором окончание и оставить всё, как предусмотрел поэт в последней версии? Тогда для второго персонажа остается еще шанс, некое подобие открытого финала, возможность выкарабкаться из смертельной западни...

^[36] Сперджен, 58.

^[37] С.Н. Spurgeon, “For the Sick and Afflicted”, <https://www.biblebb.com/files/spurgeon/1274.htm>.

^[38] См. комментарий к стихотворению: <http://www.all-poetry.ru/stih115.html>

Многим христианам сегодняшняя ситуация с пандемией и вызванным ею глобальным кризисом представляется не иначе как предвестницей конца (не какого-нибудь промежуточного, а последнего, окончательного), варианта, при котором Божественной автор не будет уже вычеркивать трагические финалы, предвещенные пророками как неизменный атрибут *самого* последнего времени. Возможно, все обстоит именно так, и мы находимся на конечном витке истории. И все же, независимо от того, как нам видится время на часах Творца, очень многое именно сегодня будет зависеть от того, как мы *walk* наш *talk* (см. объяснение выше). При этом стоит помнить, что наше призвание как христиан на данном этапе вовсе не должно сводиться к тому, чтобы усиливать боль и смятение сгущением красок. Жизнь нынче и так трудна, и страдания и боль свою функцию выполняют и без нашей драматизации. Клайв Льюис мудро выразил суть их воздействия на страждущих в своей «Проблеме боли»: «Боль настаивает на том, чтобы на нее обратили внимание. Бог шепчет нам в наших удовольствиях, говорит нам в нашей совести, но Он кричит в нашей боли — это Его мегафон, чтобы услышал оглохший мир».¹³⁹¹ Этот мегафон сейчас уже разрывается от крика, нет нужды в дополнительных усилителях.

В заключении повторим вопрос, приведенный в начале статьи: какую весть мы транслируем сегодня? Очередную вариацию страшной истории о «Большом брате», грядущей всеобщей принудительной вакцинации/чипизации и превращении всего цивилизованного сообщества в узников единого глобального концлагеря? Даже если такая антиутопическая перспектива вполне реальна, должна ли весть о неминуемом *страшном* составлять основу сегодняшней проповеди христиан внешним? Если так, то наш голос обречен потонуть среди миллиона других, создающих массовый психоз потоком негативных конспирологических прогнозов.

Что можем мы предложить несчастным и обескураженным карантинным сидельцам, кроме участливого предупреждения — будет еще хуже! — и глубокомысленного молчания («поэтому разумный безмолвствует в это время, ибо злое это время» (Ам. 5:13))? Вышеизложенные примеры обнадеживающе демонстрируют, что христианский подвиг любви и служения — не миф и не феномен давно прошедших времен, а неизменная составляющая той целительной керигмы, в которой сейчас так нуждается общество.

¹³⁹¹ C. S. Lewis, *The Problem of Pain* (London: Centenary Press, 1942), 81. В восьмитомном собрании сочинении на русском языке это утверждение Льюиса, на мой взгляд, передано не вполне точно. См. К. Льюис, «Страдание» в *Собрании сочинений в 8 томах*, т. 8: Письма Баламута. Страдание. Расторжение брака. И др. (Москва: Фонд о. Александра Меня; Дом надежды, 2000), 170.

Использованные источники

- Даллимор, А. *Сперджен: Биографический очерк*. <http://www.blagovestnik.org/books/00072.htm>
- Киприан Карфагенский. «Книга о смертности». https://azbyka.ru/otechnik/Kiprian_Karfaenskij/kniga_o_smernosti
- Лютер, М. *Следует ли христианину бежать от смертельной чумы?* Санкт-Петербург: Умозрение, 2020.
- Льюис, К. «Страдание». В *Собрание сочинений в 8 томах*. Т. 8: Письма Баламута. Страдание. Расторжение брака. И др. Москва: Фонд о. Александра Меня; Дом надежды, 2000.
- Мельников, С. «Эпидемия – это шанс увидеть себя подлинными». <https://www.miloserdie.ru/article/epidemiya-eto-shans-videt-sebya-podlinnymi/>
- Метакас, Э. *Мартин Лютер. Человек, который заново открыл Бога и изменил мир*. Москва: Эксмо, 2019.
- Порозовская, Б. Д. *Мартин Лютер. Его жизнь и реформаторская деятельность*. Москва: Директ-Медиа, 2015.
- Сперджен, Ч. *Все для славы Божьей. Автобиография*. Билефельд: CLV, 2005.
- Сперджен, Ч. *Молитва, достигающая успеха*. Киев: Джерело Життя, 2003.
- Супотницкий, М. В., Супотницкая, Н. С. *Очерки истории чумы*. Кн. I: Чума добактериологического периода. Москва: Вузовская книга, 2006.
- Супотницкий, М. В. *Пандемия «Испанки» 1918-1920 гг. в контексте других гриппозных эпидемий и «птичьего гриппа»*. <http://supotnitskiy.ru/stat/stat51.htm>
- Фурман, Д. Е. «Император Юлиан и его письма». <http://simposium.ru/ru/node/10217>
- Чанг, Д. «5 уроков от служения Сперджена во время вспышки холеры». <http://ieshua.org/5-urokov-ot-sluzheniya-sperdzheny-vo-vremya-vspyshki-holery.htm>
- Шафф, Ф. *История христианской церкви*. Том II: Доникийское христианство. 100-325 гг. Санкт-Петербург: Библия для всех, 2010.
- Шах, С. *Пандемия: Всемирная история смертельных вирусов*. Москва: Альпина Диджитал, 2016.
- Aquilina, M. *Faith of Our Fathers: Why the Early Christians Still Matter and Always Will*. Steubenville: Emmaus Road Publishing, 2012.
- The Autobiography of Charles H. Spurgeon*. Vol. 1: 1834-1854. Cincinnati: Curts & Jennings, 1898.
- Beckert, C. “An Alternative to Panic: A Faithful Response to Epidemics”. <https://www.missionalliance.org/an-alternative-to-panic-a-faithful-response-to-epidemics/>
- Benjamin, C. *Empires of Ancient Eurasia: The First Silk Roads Era, 100 BCE – 250 CE*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
- Leroux, N. R. *Martin Luther as Comforter: Writings on Death*. Leiden: Brill, 2007.
- Lewis, C. S. *The Problem of Pain*. London: Centenary Press, 1942.
- McNeill, W. H. *Plagues and Peoples*. New York: Anchor Books, 1976.
- Scrivener, G. “Responding to Pandemics: 4 Lessons from Church History”. <https://www.thegospelcoalition.org/article/4-lessons-church-history/>
- Sherman, I.W. *The Power of Plagues*. Washington: ASM Press, 2017.
- Shors, T. *Understanding Viruses*. Sudbury: Jones and Bartlett Publishers, 2009.
- Spurgeon, C. H. “For the Sick and Afflicted”. <https://www.biblebb.com/files/spurgeon/1274.htm>.
- Spurgeon, C. H. *Spurgeon's Fast-Day Sermon*. New York: Sheldon, Blakeman & Co., 1857.
- Spurgeon, C. H. “The Voice of the Cholera”. <https://www.spurgeon.org/resource-library/sermons/the-voice-of-the-cholera#flipbook/>
- Stark, R. *The Rise of Christianity: A Sociologist Reconsiders History*. Princeton: Princeton University Press, 1996.
- Ziegler, P. *The Black Death*. London: Faber & Faber, 2013.